

ТОПОНИМИКА И ДИАЛЕКТОЛОГИЯ ТОРОНЫМЫ И ДИАЛЕКТОЛОГИЯ

<https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.04.442-453><https://elibrary.ru/hvpnll>

УДК / UDC 81'342:821.511.131

Оригинальная статья / Original article

Проблема локализации южной границы среднеижских говоров удмуртского языка: фонетико-диалектологический анализ

В. В. Елышев

Удмуртский федеральный исследовательский центр
Уральского отделения РАН,
г. Ижевск, Российская Федерация
elyschev.vladimir2016@yandex.ru

Аннотация

Введение. Актуальность исследования обусловлена малоизученностью срединных говоров удмуртского языка в удмуртской диалектологии, а также активной ассимиляцией и нивелированием диалектных особенностей рассматриваемого языка в современных условиях. В связи с этим особую значимость приобретают задачи комплексного исследования диалектных пространств, в том числе по определению границ срединных говоров. Четкое выделение ареала их распространения позволяет не только описывать и сравнивать диалектные идиомы, но и реконструировать лингвистические и исторические процессы, характерные для удмуртского языка. Цель исследования – определить южную границу среднеижских говоров, расположенных в переходной зоне между срединными говорами и южным диалектом удмуртского языка, путем выявления их фонетико-морфологических особенностей.

Материалы и методы. Эмпирическую базу исследования составили диалектологические тексты, собранные автором статьи и студентами Удмуртского государственного университета в девяти населенных пунктах Малопургинского района Удмуртской Республики. В качестве методологической основы работы выступили синхронно-описательный, сравнительно-сопоставительный, слухоаналитический методы, которые позволили зафиксировать и системно описать исследуемые говоры в их современном состоянии, а также провести их сопоставление с другими диалектами удмуртского языка. При сборе диалектологического материала использовался метод включенного наблюдения, обеспечивший получение репрезентативных данных за счет фиксации спонтанной речи носителей в естественной среде.

Результаты исследования и их обсуждение. Анализ диалектного материала показал, что говоры исследуемого языкового ареала в целом имеют схожую фонетическую систему. Тем не менее выявлено, что в говорах дд. Аксакшур, Баграш-Бигра, Гожня и Куретово существуют специфические языковые явления, отличающие их от других говоров (например, функционирование гортанного смычного согласного, озвончение согласных), позволяющие относить их к южному диалекту удмуртского языка и провести южную границу среднеижских говоров через дд. Байситово, Миндерово, Кечур и Кулаево.

Заключение. Автором впервые в удмуртском языкоznании научно обоснована южная граница среднеижских говоров. Уточнение границ их распространения позволит продолжить дальнейшее комплексное исследование. Статья вносит вклад в изучение удмуртской диалектологии, а также в общую теорию пермского языкоznания.

Ключевые слова: удмуртская диалектология, срединные говоры, южная граница среднеижских говоров, фонетические особенности срединных говоров удмуртского языка

© Елышев В. В., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Ельшев В.В. Проблема локализации южной границы среднеизжских говоров удмуртского языка: фонетико-диалектологический анализ. *Финно-угорский мир.* 2025;17(4):442–453. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.04.442-453>

The Problem of Localizing the Southern Border of the Middle Izh Dialects of the Udmurt Language: Phonetic and Dialectological Analysis

V. V. Elyshev

*Udmurt Federal Research Center of the
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Izhevsk, Russian Federation
elyshev.vladimir2016@yandex.ru*

Abstract

Introduction. The relevance of this study is determined by the limited scholarly attention given to the transitional dialects of the Udmurt language within Udmurt dialectology, coupled with the ongoing processes of assimilation and the levelling of dialectal features under contemporary conditions. Consequently, the task of conducting a comprehensive investigation of dialectal zones, including the delineation of the boundaries of these transitional dialects, is of paramount importance. The precise demarcation of their geographical distribution is essential not only for the description and comparison of dialectal idioms but also for the reconstruction of linguistic and historical processes characteristic of the Udmurt language. The aim of this research is to determine the southern boundary of the Middle Izh dialects, situated within the transitional area between the central dialects and the southern dialect of the Udmurt language, through the identification of their distinct phonetic and morphological features.

Materials and Methods. The empirical foundation of this study is comprised of dialectological texts collected by the author and by students of Udmurt State University across nine settlements in the Malopurginsky District of the Udmurt Republic. The methodological framework of the research incorporates synchronic-descriptive, comparative, and auditory-analytical methods. These approaches enabled the systematic recording and description of the dialects under investigation in their contemporary state, as well as a comparative analysis with other dialects of the Udmurt language. The collection of dialectological material was conducted utilizing the method of participant observation, which ensured the acquisition of representative data through the recording of speakers' spontaneous speech in a naturalistic setting.

Results and Discussion. The analysis of dialectal data revealed that the vernaculars within the studied linguistic area generally possess a similar phonological system. However, it was established that the vernaculars of the villages of Aksakshur, Bagrash-Bigra, Gozhnya, and Kuregovo exhibit specific linguistic phenomena – such as the presence of a glottal stop and consonant voicing – which distinguish them from other dialects. These features provide a basis for their classification within the Southern dialect of the Udmurt language and allow for the demarcation of the southern boundary of the Middle Izh sub-dialects through the villages of Baysitovo, Minderovo, Kechur, and Kulaevo.

Conclusion. The author presents the first scientifically grounded delineation of the southern boundary of the Middle Izh dialects within Udmurt linguistics. This refinement of their geographical distribution provides a foundation for subsequent comprehensive study. The article constitutes a significant contribution to the field of Udmurt dialectology and, more broadly, to the general theory of Permic linguistics.

Keywords: Udmurt dialectology, Middle Izh subdialects, border of Middle Izh subdialects, phonetic features of the middle dialects of the Udmurt language

Conflict of interest: The author declares no conflict of interest.

For citation: Elyshev V.V. The Problem of Localizing the Southern Border of the Middle Izh Dialects of the Udmurt Language: Phonetic and Dialectological Analysis. *Finno-Ugric World.* 2025;17(4):442–453. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.04.442-453>

Введение

Согласно современной классификации, в удмуртском языковом пространстве выделяют три наречия: северное с нижнечепецким, среднечепецким и верхнечепецким диалектами; южное с собственно южным и периферийно-южными диалектами;

и бесермянское. При этом в последнее время бесермянское наречие некоторые исследователи рассматривают в качестве отдельного языка [1; 2]. Между северным и южным наречиями расположены срединные говоры, которые подразделяются на пять диалектов: среднезападный, средневосточный, водзимонынско-омгинский, нылгинский, среднеижский¹.

Актуальность исследования обусловлена малоизученностью срединных говоров в целом и среднеижских в частности, тогда как процесс утраты срединными говорами своего диалектного различия – явление объективное и динамичное. Как подчеркивают исследователи устной разговорной речи, в настоящее время диалекты подвергаются активной ассимиляции, что ведет к сужению их функционирования и постепенной утрате языкового своеобразия [3; 4]. Следовательно, существенной становится проблема фиксации диалектных особенностей отдельных говоров исследуемого языка.

Целью статьи является определение южной границы среднеижских говоров удмуртского языка, территория распространения которых охватывает Малопургинский, Завьяловский районы, а также южную часть Воткинского района Удмуртской Республики.

Обзор литературы

Срединные говоры удмуртского языка являлись объектом исследования ученых на всех этапах развития удмуртской диалектологии. Так, первое теоретическое описание удмуртских диалектов представлено в работе Ф. Й. Видеманна². Опираясь на лексику переводных Евангелий 1847 г., автор выделяет в удмуртском языке «казанский», «глазовский», «малмыжский», «сарапульский» и «оренбургский» диалекты. Срединные говоры в работе ученого обозначены как малмыжский диалект. Несмотря на то, что автор не дает подробных сведений о фонетических и морфологических особенностях выделенных им диалектов, представленная им классификация является первым научным опытом систематизации разновидностей удмуртского разговорного языка.

Образцы речи удмуртов, проживающих в срединных районах современной Удмуртской Республики, впервые в полевых условиях зафиксировал финский ученик Т. Г. Аминофф³. Результатом диалектологической экспедиции стала работа «Wotjakilaisia kielinäytteitä». Среднеижские говоры исследователем не зафиксированы, однако имеются материалы, записанные в с. Якшур-Бодья, входящем в ареал распространения средневосточных говоров. Тексты Т. Г. Аминоффа отражают многие фонетические и морфологические черты, характерные для срединных говоров удмуртского языка, например:

- чрезмерное функционирование аффрикат: *kudžojezles* ‘у хозяина’, *lyčkálozy* ‘украдут’, *odžy* ‘так’, *udž* ‘работа’;
- оформление деепричастия на -ку с помощью суффикса -кы: *tećakulyz* ‘перепрыгивая’, *siykyuz* ‘кушая’;
- выпадение конечной гласной основы инфинитива глаголов I спряжения: *siny* ‘есть, кушать’, *ötny* ‘звать’, *karny* ‘делать’; *potny* ‘выходить’ и т. д.

Полноценные текстовые записи, препрезентирующие среднеижские говоры, впервые представлены в публикации Б. Мункачи «Votják népköltészeti hagyományok»⁴. Во время экспедиции к удмуртам 1885 г. исследователю удалось собрать значительный фольклорно-диалектологический материал в дд. Вуж Зумья, Диньтэм и Вуко-Чудзя

¹ Максимов С.А. Комментарий к картам «Диалектное членение удмуртского языка» и «Принадлежность опорных пунктов к территориальным диалектам». В: Диалектологический атлас удмуртского языка. Карты и комментарии. Вып. 1. Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика»; 2009. С. 39.

² Wiedemann F.J. Zur Dialectenkunde der wotjakischen Sprache. In: Mélanges Russes tirés du Bulletin Historico-Philologique de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Peterbourg, III. St.-Péterbourg; 1858. S. 533–555.

³ Aminoff T.G. Votjakilaisia kielinäytteitä. In: JSFOU; 1886. I. P. 32–55.

⁴ Munkácsi B. Votják népköltészeti hagyományok. Budapest; 1887. 335 l.

Сарапульского уезда (сегодня дд. Новый Сентег, Диньтэм-Бодья и Шабердино Завьяловского района Удмуртской Республики). В отличие от публикации Т. Г. Аминоффа, в записях Б. Мункачи указаны имена информантов. В целом его текстовые записи отражают аналогичные явления, которые представлены в работах Т. Г. Аминоффа.

Образцы речи удмуртов также представлены в работах Ю. Вихманна, вышедших в 1893 и 1901 гг.⁵ Срединные говоры представлены записями, собранными в д. Чужьялово от информанта Степана Михайлова. В текстах исследователя отражены следующие отдельные языковые явления, свойственные срединным говорам:

- а) избыточное употребление аффрикат: *pu:tški* ‘нутро’, *lu:tškale* ‘украдите’, *paled'ž* ‘рябина’;
- в) выпадение конечной гласной основы инфинитива: *kełni* ‘ночевать’, *śinj* ‘есть, кушать’, *kiżni* ‘сеять’;
- г) выпадение гласной *-y-* в деепричастиях на *-ca*: *ošsa* ‘повесив’, *potsa* ‘выйдя’, *kossa* ‘попросив’;
- д) показатель элатива на *-ic'*: *bisiš* ‘с поля’, *kiżiš* ‘с ели’.

Лексика удмуртских диалектов представлена в сравнительном словаре Т. К. Борисова «Удмурт кыллюкам»⁶. В предисловии к изданию дается краткое, но содержательное описание системы диалектов. Ученый выделяет в удмуртском языке три наречия: северное, срединное и южное, каждое из которых делится на более мелкие единицы – говоры. Так, по мнению исследователя, срединное наречие, распространенное до лесных массивов Яганского, Ильинского и Можгинского лесничеств и до р. Вятки, имеет в своем составе ижевский и верхне-кильмезский говоры.

С 1935 г. в удмуртском языкознании наметился новый метод исследования диалектов – лингвогеографический, который берет свое начало с публикации С. П. Жуйковым Диалектологической карты удмуртского языка⁷. В удмуртском языковом пространстве исследователь выделяет три диалекта: северный, средний и южный. Срединные говоры он делит на шесть языковых ареалов: к первому отнесены говоры окрестностей Сюмси, Селты и Старые-Зятцы; ко второму – говоры якшурбодынских удмуртов; к третьему – тыловайских; четвертому – шарканских; пятому – говоры малопургинских, завьяловских, нылгинских и ижевских удмуртов; шестому – вавожских и нылгинских удмуртов.

Отдельные ареалы распространения срединных говоров описаны в диссертационных исследованиях ученых. С. К. Бушмакин представил подробную характеристику фонетико-морфологического строя говора удмуртов, проживающих на восточной территории Якшур-Бодынского и Шарканского районов Удмуртии⁸. Б. Ш. Загуляева продемонстрировала комплексное описание говоров, распространенных на территории Селтинского и Сюмсинского районов Удмуртской Республики⁹.

Несмотря на наличие исследований, посвященных изучению отдельных ареалов распространения срединных говоров (например, средневосточных, прикильмезских), на сегодняшний день в удмуртской лингвистике отсутствуют обобщающие труды по среднеижским говорам, отражающие фонетико-морфологические особенности и описывающие границы их распространения.

⁵ Wichmann Y. Wotjakische Chrestomathie mit Glossar. Helsingfors; 1901. 134 s.; Wichmann Y. Wotjakische Sprachproben. Helsingfors; 1893. I: Lieder, Gebete und Zaubersprüche. 199 s.

⁶ Борисов Т.К. Удмурт кыллюкам. АН СССР, УрО, Уdm. ин-т. ИЯЛ, Уdm. отделение Всесоюз. фонда культуры. Ижевск; 1991. 384 с.

⁷ Жуйков С.П. Удмурт АССР-ысы удмуртъёслэн интыен-интыен верасъкемзээс возьматон карта (Диалектологическая карта удмуртского языка). Свердловск; 1935.

⁸ Бушмакин С.К. Фонетические и морфологические особенности средневосточных говоров удмуртского языка: автореф. дисс. канд. филол. наук. Тарту; 1971. 28 с.

⁹ Загуляева Б.Ш. Прикильмезские говоры удмуртского языка: автореф. дисс. канд. филол. наук. Тарту; 1980. 16 с.

Материалы и методы

Материалом исследования послужили авторские полевые записи 2024 г., а также материалы, собранные во время диалектологических практик студентами института удмуртской филологии, финно-угроведения и журналистики Удмуртского государственного университета в дд. Аксакшур (5 информантов от 65 до 81 года), Байситово (4 информанта от 64 до 77 лет), Баграш-Бигра (4 информанта от 62 до 75 лет), Гожня (4 информанта от 74 до 82 лет), Кечур (2 информанта 70 и 72 лет) Кулаево (4 информанта от 66 до 81 года), Курегово (4 информанта от 64 до 79 лет), Малая Бодя (4 информанта от 65 до 83 лет), Миндерово (7 информантов от 63 до 81 года), Сизяшур (4 информанта от 66 до 79 лет). Все респонденты были проинформированы об участии в исследовании. Указанные населенные пункты расположены в южной и центральной части Малопургинского района Удмуртской Республики, их выбор обусловлен тем, что именно данная языковая зона является переходной от срединных говоров к южным диалектам. В частности, диалектометрическое исследование удмуртских диалектов, основанное на лексических данных Диалектологического атласа удмуртского языка¹⁰, показывает, что говор д. Аксакшур ближе к срединным говорам, а говоры дд. Гожня и Баграш-Бигра относятся к южному диалекту [5].

В работе использован комплекс исследовательских методов: синхронно-описательный, сравнительно-сопоставительный, которые помогли записать и системно проанализировать языковые явления и выявить их специфику; во время полевых исследований широко использовался метод включенного наблюдения и применялись различные техники сбора диалектных материалов: анкетирование, цифровая запись, интервьюирование. Для анализа и научной интерпретации диалектных особенностей отдельных говоров использовался слухоаналитический метод исследования устной речи.

Результаты исследования и их обсуждение

Вокализм. Количественный состав гласных фонем в удмуртских диалектах варьируется от 6 до 10 единиц. В исследуемом нами диалектном пространстве функционируют 7 гласных: *и*, *ы*, *у*, *э*, *ö*, *o*, *a*. По нашим наблюдениям, фонемы акустически и артикуляционно ничем не отличаются от соответствующих фонем удмуртского литературного языка.

Среди наиболее распространенных явлений в области вокализма в описываемых говорах представлены следующие:

1. Корреспонденция гласных. Среди них выделяются:

1.1 Корреспонденция гласных *и* // *ы*. В срединных говорах, так же как в нижнечепецком диалекте и южном диалектном ареале, при соседстве с велярным согласным перед *ü* или между *ж*, *ш* и последующим палатальным употребляется гласный *ы*, тогда как в среднечепецком и верхнечепецком диалектах наличествует гласный *и*, например: сч., вч. *ишка* // сред., южн., нч. *ыčka* [6]. В исследуемой нами диалектной зоне указанный вид корреспонденции представлен следующим образом:

акс., байс., б-бигр., гожн., кеч., кур., м.бод. *ынэ* // минд., сиз. *гинэ*: акс. *kytyñ* *ынэ* *öй вал* ‘где только не был’; байс. *йылыз* *ынэ* ‘только верхушка’; б-бигр. *c'ion* *понна* *ынэ* ‘только ради еды’; виш. *вишур* *гинэ* *шиул'l'am* ‘Вишуром только назвали’; гож. *пичимэмэй* *ынэ* *шуком* *вал* ‘Пичи мемеем (букв. Маленькой бабушкой) лишь называли’; кеч. *kyk* *гоштэтэс* *ынэ* ‘всего две записи’; кул. *пичи* *ынэ* *мучюсты* ‘даже маленькие горочки’; кур. *лыззыса* *ынэ* *нуком* ‘только считая, несли’; м.бод. *уйин* *ынэ* *пота на* ‘только ночью появляется’; минд. *eit'm* *арэс* *ынэ* ‘только пять лет’; сиз. *n'yl'* *клас* *гинэ* ‘только четыре класса’;

¹⁰ Насибуллин Р.Ш., Максимов С.А., Семенов В.Г., Отставнова Г.В. Диалектологический атлас удмуртского языка. Карты и комментарии. Вып. 1. Ижевск; 2009. 260 с.

акс., байс., б.-бигр., гожн., кеч., кул., кур., м.бод., минд., сиз. *ы́чка-* (*ышка-*) // *ышка-*: акс. *ожойэ·з-а ма·р-а ышка* ‘травку, что ли, рвет’; байс. *турынэз ы́чкэ* ‘траву **срывает**’; б.-бигр. *ышкалтыса* *куштэлэ* ‘**оторвите** да выбросьте’; гожн. *ас'тэос ик, ой, ышкалтэ* ‘сами, ой, **вырвите**’; кеч. *с'ас'ка ышкалти* ‘цветок оторвала’; кул. *ачиз ик ышкалтэ ини* ‘сам и **отрывает**’; кур. эн *ышкалтэ* ‘не **вырывайте**’; м.бод. *ышкалтыса поттис'ком вал* ‘**сорвав**, выносили’; минд. *пин'ыным ышкалтса бас'то* ‘**зубами вырвав**, возьму’; сиз. эн *ышка* ‘не **вырывай**’.

Причины возникновения данного типа корреспонденции гласных в удмуртском языке до настоящего времени не выяснены. В. К. Кельмаков выдвигает гипотезу о том, что междиалектная корреспонденция гласных *ы* // *и* (ь) могла быть рефлексом более ранней праудмуртской фонемы *ə, которая, утрачиваясь, заменилась в северной диалектной зоне гласным *ы*, в южной – *и*, в татышлинском, красноуфимском, кукморском сохранилась без изменения¹¹.

1.2 Корреспонденция гласных *ы* // *и*. В северном наречии и в прилегающих к ним срединных говорах перед палatalьными согласными в корневых морфемах употребляется гласный *ы* (*пыз* ‘мука’), в то время как в южном наречии наличествует *и* (*пиз* ‘мука’). Примеры корреспонденции гласных *ы* // *и*:

байс., кеч., кул., м.бод., минд., сиз. *быз'э* // акс., б.-бигр., гожн., кур. *биз'э* ‘бежит, выходит замуж’: акс. *губэчти биз'ылэ* ‘по погребу **бегает**’; байс. *быз'ыл ис'ком но шутком* ‘**бегаем и играем**’; б.-бигр. *ушакэ биз'из* ‘за Ушакова **вышла замуж**’; гожн. *өз би·з'ылэ ни* ‘больше не **бегали**’; кеч. *быз'эмэ ук по·ты вал* ‘**замуж** я еще не **хотела**’; кул. *быс'са бертко ини* ‘**бегом** иду домой уже’; кур. *пургала биз'эмын* ‘**в Пургу вышла замуж**’; м.бод. зор улти *быз'ыло* ‘под дождем **бегают**’; минд. *мынам быс'ко но бертэм потэ* ‘**выхожу замуж**, и домой хочется’; сиз. *пинал быз'ымтэ ныл* ‘**незамужняя** девушка’;

байс., кеч., кул., м.бод., сиз. *тыс'* // акс., б.-бигр., гожн., кур., минд., *тис'* ‘зернышко’: акс. *зарни тис'о* ‘с золотыми **зернышками**’; байс. *тыс'сэ с'ио* ‘**зернышки едят**’; б.-бигр. *бас'тыса ти·с'алэ* ‘**возьмите и облущите**’; гожн. *тис'эз ус'э* ‘**зерно падает**’; кеч. *йу-тыс'* араны ‘хлеб жать’; кул. *бакчаис'тызы тыс'йоссы* ‘**зерна из их огорода**’; кур. *тис'* но мукэт оломар ‘**зерно** и много разного’; м.бод. *йу-тыс'* нуллыса ‘**зерно взял**’; минд. *тис'сэ с'ио* ‘**зернышки едят**’; сиз. *тыс'* ‘**зерно**’.

В рассматриваемой диалектной зоне корреспонденция гласных *ы* // *и* также наблюдается в следующих падежных маркерах:

а) суффикс элатива (исходный падеж). В удмуртском литературном языке, а также в северном наречии показатель элатива выражается через суффикс *-ыс'*. Для большинства исследуемых нами говоров этому суффиксу соответствует *-ис'*:

кеч., сиз. *-ыс'* // акс., байс., б.-бигр., гожн., кул., кур., м.бод., минд., *-ис'*: акс. *кы·тис'* шэм'тэм ‘**откуда** нашел’; байс. *архиви·с'-а ма·р-а шэттэм* ‘**в архиве**, что ли, нашел’; б.-бигр. *сундуки·с' лушиас'кил'lам* ‘**из сундука** украл’; гожн. *шаис' н'эмырэз но исаны уг йа·ра* ‘**из могилы** ничего брать нельзя’; кеч. *магазины·с' бас'тэмын* ‘**в магазине** (букв. из магазина) куплены’; кул. *кышнойэ пуныгуртис'* ‘**жена из Пуныгурта**’; кур. *колхоз бусинис'* ‘**из колхозного поля**’; м.бод. *кот'куд базарис'* ‘**из каждого рынка**’; минд. *миндер гуртис'* ‘**из деревни Миндерово**’; сиз. *базарыс'* чэбэр *кышэт* ‘**с базара** красивый платок’;

б) суффикс эгрессива (отдалительный падеж): кеч., сиз. *-ыс'эн* // акс., байс., б.-бигр., гожн., кул., кур., м.бод., минд. *-ис'эн*: акс. *дас кык арасис'эн* ‘**с двенадцати лет**’; байс. *бöд'д'a-пуроис'эн* *кё·н'a ис'кэм со?* ‘**из Бодья-Пуро** сколько километров?’; б.-бигр. *чэп-ца ис'эн* *игра пала* ‘**от Чепцы** к Игре’; гожн. *удугучин шайвылис'эн* ‘**с кладбища**

¹¹ Кельмаков В.К. Диалектная и историческая фонетика удмуртского языка. Ч. 2. Ижевск: Издат. дом «Удмуртский университет», 2004. 395 с.

в Удугучине'; кеч. *отыс'эн ик тодматки* 'там и познакомилась'; кул. *отис'эн, ачит тотком* 'оттуда, сам знаешь; кур. *н'ыл'дон н'ыл'ис'эн н'ыл'дон сиз'ым ароз'* 'с сорок четвертого до сорок седьмого года'; м.бод. *со тырис'эн* 'с тех пор'; минд. *гурт пумис'эн* 'с конца деревни'; сиз. *канказ'ыс'эн* пруд дороз' 'со двора до пруда';

в) иллатив (входный падеж). Корреспонденция гласных *ы* // *и* в суффиксе иллатива наблюдается преимущественно в речи носителей диалектного языка старшего поколения (от 50 лет). Под воздействием согласного *-й-* предшествующий ему корневой гласный звук *-ы-* подвергается регressiveной ассимиляции: сиз. *-ы-йэ* // акс., байс., б.-бигр., гожн., кеч., кул., кур., м.бод., минд. *-и-йэ*: акс. *ныллэн чыртийаз* 'на шею девочке'; байс. *кисийас* кизэ понэм 'руки в карман положил'; б.-бигр. *мукэт интийэ потны* 'перейти на другую территорию'; гожн. *чыртийаз ошса* 'на шею повесив'; кул. *пёртнас'кис' интийэ* 'в мистическое место'; кур. *бусийэ поттыны* 'на поле вывести'; м.бод. *кыцийам* кэ мар кэ 'если где-то что-то'; минд. *чыртийас*, пэ, гозы понны косо 'на шею веревку, говорит, завязать заставляют'; сиз. *чыртыйад ёт по·ны* 'на шею не накинул';

г) ablativ (творительный падеж). Аналогичная трансформация пресуффиксального гласного *-ы-* в гласный *-и-* под ассимилятивным воздействием согласного *-й-* происходит в существительных творительного падежа: б.-бигр., гожн., м.бод., минд., сиз. *-ы-йэн* // акс., байс., кеч., кул., кур. *-и-йэн*: акс. *гозийэн* думэмын 'веревкой привязан'; байс. *боди'эн* пыкаймын 'палкой подперто'; б.-бигр. *заз'эк тылыйэн* 'тусиным крылом'; гожн. *пил'ис'кэм тус'тыйэн* 'с разбитой тарелкой'; кеч. *кёжийэн шыт* 'суп с горохом'; кул. *гози'ийэнэз* ва·лчэ 'вместе с веревкой'; кур. *пижнийэн* кутком вал 'на силок (букв. с силком) ловили'; м.бод. *пун'ыйэн* йуны 'из ложки (букв. с ложкой) пить'; минд. *гозийэн*, пэ, пукэ 'с веревкой, мол, сидит'; сиз. *толалтэ ёдд'ыйэн* 'зимой на санях (букв. с санями)';

д) локатив (местный падеж). Пресуффиксальный гласный *-ы-* в существительных местного падежа в некоторых описываемых говорах также переходит в гласный *-и-*: б.-бигр., гожн., сиз. *-ы-йын (-ы-ын)* // акс., байс., кеч., кул., кур., м.бод., минд. *-и-йын (-и-ын)*: акс. *с'урийын* 'на жерди'; байс. *пэрво·й гуртмы вылем чал'ди'ын* 'деревня в начале была у речки Чальды'; б.-бигр. *со вал бусын* 'это было на поле'; гожн. *лымыын* пылас'ко 'в снегу купаются'; кеч. *чыртийас* поно 'на шею подвешивают', кул. *тус'тиын* 'в тарелке'; кур. *гурэз'лэн выжийаз* ик 'прямо у подножия горы'; м.бод. *со интийын* 'на его месте'; минд. *вöс'ас'кон интийын* 'на месте молений'; сиз. *со интыын* 'на том месте'.

Согласно исследованиям В. К. Кельмакова, гласный *ы* в корневых морфемах является первичным как перед велярными, так и перед палатальными согласными. Функционирование гласного *и* вместо *ы* в корневых морфемах – явление позднее, относящееся, предположительно, к прадумуртскому периоду (X–XVII вв.), поскольку ранние письменные памятники XVIII в. уже отмечают *и* вместо первичного *ы*¹²: имъ 'рот', нилонъ 'горло', чирты 'шея'¹³, nil-don 'сорок'¹⁴.

1.3 Корреспонденция гласных *у* // *ы*. В исследуемых говорах она функционирует в суффиксальной морфеме деепричастий с временным значением, которая представлена в удмуртских диалектах двумя алломорфами: *-ку* и *-кы*. Говоры в функционировании данных алломорфов имеют некоторое различие: минд., сиз. *-ку* // акс., байс., б.-бигр., гожн., кеч., кул., кур., м.бод. *-кы*: акс. *корка пырыкызы* 'при входе в дом'; байс. *аз'ло* *кырыкыс* 'раньше, когда прорывало (плотину)'; б.-бигр. *ватис'кыкызы*

¹² Кельмаков В.К. Краткий курс удмуртской диалектологии: учеб. пособие. Ижевск: Издат. дом «Удмуртский университет»; 2006. 386 с.

¹³ Паллас П.С. Сравнительные словари всех языков и наречий. Ч. 1. Санктпетербург: Типография Шнора; 1787. 411 с.

¹⁴ Miller G.F. Sammlung russischer Geschichte. Vol. 1. Saint Petersburg; 1758. S. 654.

ис, пэ, поно ‘когда хоронят, дескать, камень кладут (на могилу)’; гожн. гурэ тыл *пона-кыз* ‘в печке огонь разжигая’; кеч. ужсаны *потыкым* ‘когда выходил на работу’; кул. *первой турнакыгэс* ‘примерно во время первого покоса’; кур. *с'уан'чиос лыктыкызы, пырыкузы* ‘во время приезда и входа гостей со стороны жениха’; м.бод. *кэнмэс йуаны вэткымы* ‘когда невесту сватать ходили’; минд. *душэс тизэ бас'тыку* ‘когда коршун гусенка (букв. дитя) забирает’; сиз. *раскула'чиват' карыкузы*. ‘когда раскулачивали’.

В нижнечепецком диалекте северного наречия в указанной функции как единственно возможный используется формант *-кы*: *ужакы* ‘во время работы’, *с'удыкы* ‘во время кормления’ [7]. Вариант *-кы* также распространен в говорах южного диалекта. В бесермянском наречии встречаются оба варианта *-ку* и *-кы* (имеет вид *-къ*): *ужаку ~ ужакъ* ‘работая’ [8].

Причина возникновения данной корреспонденции выяснена не до конца. По мнению Д. В. Бубриха, в допермскую эпоху деепричастия имели форму на (*ы*)*кы-к*, (*ы*)*кэ-к*: *вэтыкы-к*, *вэтыкэ-к* ‘во время хождения’. В общепермский период произошло падение конечных согласных, поэтому деепричастия образовывались при помощи суффиксов *-ыкэ*, *-ыкы* (ср. сунд. *вэтыкы* ‘во время хождения’). Форма деепричастия на *-ку*, возможно, является более поздним образованием и берет свое начало от вопросительного слова *ку?* ‘когда?’: *вэтыку* ‘во время хождения’¹⁵.

2. Синкопа – фонетическое явление, характеризующееся выпадением звука или группы звуков внутри слова, особенно в положении между смычными¹⁶. В исследуемых говорах синкопа наблюдается в следующих случаях:

2.1 В глаголах настоящего и прошедшего времени 1-го, 2-го и 3-го лица единственного и множественного числа I спряжения происходит выпадение группы звуков на *-исък-*: акс. *ничи дыриамы шутком вал* ‘в детстве мы играли’; байс. *чапас шуком вал* ‘чапас (лапта) называли’; б-бигр. мон *шуко* ‘я говорю’; гожн. *вэтком вал* ‘ходили’; кеч. *тотко таё учырэз но* ‘помню такой случай’; кул. *эскэрком но оццы ик мынком ни вал* ‘проверяли и туда шли’; кур. *норма кэ тырмыткод* ‘если норму выполняешь’; м.бод. мон *ук то·ткы* ‘я не знаю’; минд. кунэ *вэтком* ‘в гости ходили’; сиз. *тон ачиd но тоткод* ‘ты и сама знаешь’.

Суффикс *-исък-*, по мнению Б. А. Серебренникова, возник поздно, и в образовании этой формы принял участие финно-угорский суффикс *-sk*: ср. фин. *nuole-ske-le* ‘лизать’, кольско-лапл. *kul-sk-untu* ‘прислушиваться’¹⁷. К. Е. Майтинская возводит элемент *-k* суффикса *-sk*, который употреблялся для указания настоящего времени, к прафинно-угорской общности [9]. Согласно исследованиям, в древнеудмуртском языке настоящее время по форме было близко с языком коми – различие наблюдалось в огласовке основы (*о* вместо *a*). Например, глагол 1-го лица единственного числа *мынійсько* ‘иду’ имел вид *тупо* в удмуртском языке, *тупа* – в коми. Архаичная форма настоящего времени в современном удмуртском языке начала функционировать в значении будущего времени: *мыно* ‘пойду’. «Для построения новой формы настоящего времени удмуртский язык воспользовался не основным суффиксом, а частным – специфическим значением многократного суффикса *-sk*», который в древнеудмуртском языке обозначал длительное, обычно совершающее действие¹⁸.

2.2 Выпадение гласного *-ы-* наблюдается:

а) в инфинитивных формах глагола, перед показателем суффикса инфинитива *-ны*: акс. *маза ик улны вылымтэ* ‘живь не спокойно было’; байс. *парс' с'удны* ‘свиней

¹⁵ Бубрих Д.В. Историческая фонетика удмуртского языка (сравнительно с коми языком). Ижевск: Удмуртгосиздат; 1948. 110 с.

¹⁶ Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия; 1966. 608 с.

¹⁷ Серебренников Б.А. Историческая морфология пермских языков. М.: Изд-во Акад. наук СССР; 1963. 391 с.

¹⁸ Там же.

кормить'; б-бигр. *тодмо карны* 'знаменитым сделать'; гожн. *потоно на вал шудны* 'приходилось еще выходить **поиграть**'; кеч. *чоши карны* 'свести (букв. вместе **сделать**)'; кул. *бэртны потим* 'домой **идти** собрались'; кур. *бэртны косиз* 'воротиться заставила'; м.бод. *вутэк улны* 'без воды **жить**'; минд. *сур йуны* 'пить пиво'; сиз. *киын суз'ны* луэ 'рукой **достать** можно'. Подобное явление также зафиксировано в верхнечепецком диалекте североудмуртского наречия [10];

б) перед суффиксом в деепричастиях на -са, -тэк, -ку, -тозъ: акс. *школаи·с' бэртса* 'вернувшись из школы'; байс. *зар гынэ бёртса* 'сильно плача'; кыццы *карны тоттэк* 'не зная, куда девать'; б-бигр. *ös кыл'ы ус'са* 'не выпал (букв. остался **не выпавшим**)'; гожн. *мэмэт кулса* 'со **смертью** матери'; *вэднаса куштэм* 'заколдовав, бросила'; кеч. *шу·мнотса вэрас'ком* 'радостно говорим'; кул. *быс'са бэртко* 'бегом иду'; кур. *таз'ы оша* 'так **повесив**'; кул. *кыццы кэ мынку* 'отправляясь куда-то'; м.бод. *со с'оры аёзэм карса* 'нам подражая'; минд. *одиг аз'ын жсуватса* 'в одном месте зажигая'; сиз. *бёртса пуккот* 'сидишь, плача'; *мылпоттэк но мынны пришло·с'* 'без желания пришлось идти'.

2.3 Выпадение корневого гласного -а-

а) во множественном числе существительных в гожнинском и куреговском говорах: гожн. *Со вэс' спра·фокс с'о йаса...* 'Он всегда ходил, справки раздавая ...'; кур.

Такоссы бадзым с'уройэс' вал, ворттылком вал соос вылын 'Бараны у них с большими рогами были, (мы) катались на них';

б) в аккузативе баграш-бигринского, гожнинского и малободынского говоров: б.-бигр. *Тээ куз'мазы, ужжоссэ с'урс т'амыс'с'у у'мыстон т'амыс арын чил'пам вылэм со, и со ужзэ вил'ис' таццы бэрыктизы* 'Это подарили, свои работы в тысяча восемьсот девяносто восьмом году она взяла, и ее работы обратно сюда вернули'; гожн. *Бэртса, лидээ лэс'ко* 'Вернувшись, Лиду отправляя'; м.бод. *Пичи уг'чээ аз'ло садо·вой шуны туртто вылэм – та уг'чын туши трос садио·с будо вылэм* 'Короткую улицу Садовой хотели назвать – на этой улице много садов было'; минд. *Чошэн потты вал сэ* 'Вместе вытащили бы **это**';

в) в иллативе (входный падеж) происходит выпадение конечного корневого гласного -а- / -о- и согласного -й-, элемента суффикса входного падежа -йэ-, в гожнинском, кулаевском, куреговском, миндеровском и сизяшурском говорах: гожн. *Т'урмэ со дас с'из'ым арэссын кула' карса с'уриз*. 'В тюрьму он в семнадцать лет попал, раскулачили его'; кул. *Школэ но вэятко ни-а мэдак вал?* 'В школу ходила ли я уже?'; кур. *Заго'зэрнэ кот' ну, кот' кэл'ты* 'Хоть в заготовительный пункт зерна неси, хоть оставляй'; минд. *Одиг аз'ын жсуватса, уг'ча күзә кошко вал аз'ло – кык уг'чэ* 'В одном месте зажигая, по улице шли раньше – **в две улицы**'; сиз. *Война куткэм бэрэ ик, д'ад'аймэс войнэ бас'то* 'С началом войны отца **на войну** берут'.

Консонантизм. Система согласных исследуемых срединных говоров представлена 30 фонемами: *б, в, г, д, д', ж, јс, з, з', Ѣ, љ, к, л, л', м, н, н', н, р, с, с', т, т', ф, х, ц, ч, ѣ, ш, ѿ*.

Фонетические явления в области гласных в данной диалектной зоне в целом имеют схожий характер, но наряду с этим имеются некоторые существенные различия.

Для баграш-бигринского, гожнинского и частично аксакшурского говоров характерно озвончение согласных: акс. *Со быдза чыпэтиос татын вылил'л'ам* 'Такие **большие** плотины здесь были'; б.-бигр. *Соослэн гурдызы кылдэмын, нэ, с'урс куат'с'у кыс' с'из'ымэ·ти арын* 'Их деревня основана, мол, в тысяча шестьсот двадцать седьмом году'; гожн. *Ва·йэ али, с'о·тэ ал'и зарн'и ныдо молодэс* 'Принесите сейчас, дайте сейчас **молоток** с золотой ручкой'.

Кроме указанной особенности, для аксакшурского, баграш-бигринского, гожнинского и куреговского говоров характерно замещение гласных *г, д, к, л, т* горганным

смычным согласным (гамзой [']): акс. *Сэрэ купан'ча н'у'мы ван'* ‘Потом у нас есть лог Купанча’; *Мынам кой чыртийэ ѩаз'э'лэн кат'* кыстис'кэ, мугоры нош уг но выръзы ‘Моя жирная шея как у гуся тянется, а тело не двигается с места’; б.-бигр. *Ну, ворскэм нуналэ али ча'лас'ком ук,* ужэ коишкэ ни ко·пак ѩуч ил'и англ'и ‘Ну, на дне рождения сейчас замечаем, уже идет совсем русская или английская (песня)’; *Ворцкэмын вал с'урс у'мыс с'у дас арын* ‘Родился в тысяча девятьсот десятом году’; гожн. *вэс' со оди'* нунал вылэм тин'и·, *вэ·с'а'лы* быдэ, арлы быдэ, с'из'ым апрэл'э ‘Всегда он в один день был, всегда, каждый год, седьмого апреля’; *И вös' н'эргээ вэ'ло вал* ‘И на малое моление ходили’; кур. *Войнайын кура'зим ми, война вакыт* ‘На войне страдали мы, во время войны’; *Паска дыриа но шу'ны маза öй вал, рэз' акило иван уйылса вэ'лэ вал* ‘Даже во время Пасхи играть нельзя было, Акило Иван гонялся за нами’.

Аксакшурский, баграш-бигринский, гожнинский, куреговский и миндеровский говоры отличаются от других описываемых нами говоров функционированием возвратных глаголов, где суффикс возвратного залога имеет такой же вид, как и в удмуртском литературном языке – *-ськ(ы)- / -ск(ы)-*. В остальных говорах возвратные глаголы образуются при помощи усеченного суффикса *-к(ы)-* (*<-ськ(ы)- / -ск(ы)-*): акс. *Мон аксак гуртын ворскэмын кэ, тан'и· бырдаммы со, отын туши трос оимэсийос* ‘Я в Аксакшуре родилась, вот Бырдам у нас это, там очень много родников’; байс. *Оз'ы аткыло вылэм* ‘Так показывались они’; б.-бигр. *Нош кён'а кэ улса, та интыэ мукэт палйосыс' но вуылыны кусылизы* ‘Через некоторое время на это место из других мест начали приходить’; гожн. *Мэмэй-йосмы кошко кэ, ми рэз' шудны кускис'ком вал* ‘Если мамы уходили, мы играть начинали’; кеч. *Отыс'эн ик тодматки куспалэним* ‘Там и познакомилась с мужем’; кул. *Валэ ган'-ган' пуныгурт пала мынны куткиз* ‘Лошадь спокойно пошла в сторону Пуныгурта’; кур. *Оти потыкус курашкайэ·з јсуцкэм валлан' ийрис'тыз* ‘Когда выходил, его фуражка слетела с головы’; м.бод. *Кытиыт кэ суткис' кэ, суткэм интыдэ н'имтэм чин'ыйэн котыртоно* ‘Если обожжешься, обожженное место безымянным пальцем надо обвести’; минд. *Со бэрыцкэ, курэкпuzzэс пил'э* ‘Он поворачивается и разбивает яйцо’; сиз. *Зöггэс мэд аткоз шуса, тросгэс ѳустарийэс пунко вал* ‘Чтобы (волосы) казались толще, больше лоскутов заплетала’.

Заключение

Итак, южная граница среднеижских говоров проходит через дд. Байситово, Миндерово, Кечур и Кулаево Малопургинского района Удмуртской Республики.

Говоры дд. Аксакшур, Баграш-Бигра, Гожня и Курегово Малопургинского района следует отнести к южноудмуртскому диалекту, поскольку их объединяют языковые черты, явно отличающие их от срединных говоров, например: озвончение гласных, корреспонденция гласных *ы* // *и* в корневых морфемах, функционирование гортанного смычного согласного, употребление носителями суффикса возвратного значения на *-ськ(ы)- / -ск(ы)-*.

Проведенное исследования позволяет определить южную границу среднеижских говоров на основе фонетических и частично фонетико-морфологических особенностей региональных вариантов удмуртского языка.

В перспективе необходимо определить северную границу исследуемого ареала, что позволит провести дальнейшее комплексное описание диалектной системы среднеижских говоров удмуртского языка.

Акс. – говор д. Аксакшур; байс. – говор д. Байситово; б-бигр. – говор д. Баграш-Бигра; вч. – верхнечепецкий диалект; гожн. – говор д. Гожня; кеч. – говор д. Кечур; кольско-лапл. – язык кольских саамов; кул. – говор д. Кулаево; кур. – говор д. Курегово; м.бод. – говор д. Малая Бодя; минд. – говор д. Миндерово; нч. – нижнечепецкий диалект удмуртского языка; сиз. – говор д. Сизяшур; сред. – срединные говоры удмуртского языка; сч. – среднечепецкий диалект; фин. – финский язык; южн. – южный диалект удмуртского языка.

ABBREVIATIONS

Aks. – subdialect of the village of Aksakshur; Bais. – subdialect of the village of Baisitovo; B-Bigr. – subdialect of the village of Bagrash-Bigra; VCh. – Upper Chepetsk dialect; Ghozh. – subdialect of the village of Ghozhnja; Kech. – subdialect of the village of Kechur; Kola-Lapl. – language of the Kola Sami; Kul. – subdialect of the village of Kulayev; Kur. – subdialect of the village of Kuregovo; M.Bod. – subdialect of the village of Malaya Boda; Mind. – subdialect of the village of Minderovo; NCh. – Lower Chepetsk dialect of the Udmurt language; Siz. – subdialect of the village of Sizyashur; Sred. – Central subdialects of the Udmurt language; SCh. – Middle Chepetsk dialect; Fin. – Finnish language; Yuzh. – Southern dialect of the Udmurt language.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Иванов В.А. О перспективах развития письменности на бесермянском языке. *Ежегодник финно-угорских исследований*. 2025;19(1):18–32. <https://doi.org/10.35634/2224-9443-2025-19-1-18-32>
2. Максимов С.А. Бесермянско-коми изоглоссы как свидетельство былых контактов между народами. *Linguistica Uralica*. 2025;(2):89–105. <https://doi.org/10.3176/lu.2025.2.02>
3. Сажина С.А. Верхнекамское наречие коми-пермяцкого языка: особенности вокализма. *Вестник угрovedения*. 2024;14(3):489–497. <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2024-14-3-489-497>
4. Кондратьева Н.В., Соколова О.Л. Динамические процессы в фонетической системе современных диалектов удмуртского языка (на материале срединных говоров). *Финно-угорский мир*. 2019;11(4):391–402. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.011.2019.04.391-402>
5. Архангельский Т.А. Применение диалектометрического метода к классификации удмуртских диалектов. *Урало-алтайские исследования*. 2021;(2):7–20. <https://www.elibrary.ru/ttggdm>
6. Карпова Л.Л. Диалекты северного наречия удмуртского языка: формирование и современное состояние: моногр. Ижевск: МарШак; 2020. 563 с.
7. Карпова Л.Л., Люкина Н.М. Бесермянские языковые черты в североудмуртских диалектах. *Вестник удмуртского университета. Сер.: История и филология*. 2023;33(6):1267–1279. <https://www.elibrary.ru/ygtdaw>
8. Карпова Л.Л., Люкина Н.М. О некоторых североудмуртских морфологических особенностях в языке бесермян. *Казанская наука*. 2025;(2):281–284. <https://www.elibrary.ru/kxdjye>
9. Майтинская К.Е. Историко-сопоставительная морфология финно-угорских языков. М.: Книжный дом «ЛиброМ»; 2016. 264 с.
10. Карпова Л.Л. Фонетические маркеры верхнечепецкого диалекта удмуртского языка. *Ежегодник финно-угорских исследований*. 2023;17(4):462–473. <https://www.elibrary.ru/zsxcyq>

Информация об авторе:

Елышев Владимир Валерьевич, аспирант Удмуртского института истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН (426034, Российская Федерация, г. Ижевск, ул. Ломоносова, д. 4), ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-3482-5944>, SPIN-код: 3970-9260, elyschev.vladimir2016@yandex.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Поступила 01.08.2025; одобрена после рецензирования 06.10.2025; принята к публикации 14.10.2025.

REFERENCES

1. Ivanov V.A. On the Prospects of Writing in the Beserman Language. *Yearbook of Finno-Ugric Studies*. 2025;19(1):18–32. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.35634/2224-9443-2025-19-1-18-32>
2. Maksimov S.A. Besermyan-Komi Isoglosses as Evidence for Past Contacts between Peoples. *Linguistica Uralica*. 2025;(2):89–105. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.3176/lu.2025.2.02>
3. Sazhina S.A. Upper Kama Dialect of the Komi-Permyak Language: Peculiarities of Vocalism. *Bulletin of Ugric Studies*. 2024;14(3):489–497. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2024-14-3-489-497>
4. Kondratieva N.V., Sokolova O.L. Dynamic Processes in the Phonetic System of Present-Day Dialects of Udmurt (on the Material of Central Dialects). *Finno-Ugric World*. 2019;11(4):391–402. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2076-2577.011.2019.04.391-402>
5. Arkhangelskiy T.A. Application of Dialectometric Method to the Classification of Udmurt Dialects. *Ural-Altaic Studies*. 2021;(2):7–20. (In Russ., abstract in Eng.) <https://www.elibrary.ru/tggdm>
6. Karpova L.L. [Dialects of the Northern Dialect of the Udmurt Language: Formation and Current State: Monograph]. Izhevsk; 2020. (In Russ.)
7. Karpova L.L., Lyukina N.M. Besermyan Language Characteristics in Northern Udmurt Dialects. *Bulletin of Udmurt University. Ser.: History and Philology*. 2023;33(6):1267–1279. (In Russ., abstract in Eng.) <https://www.elibrary.ru/ygtdaw>
8. Karpova L.L., Lyukina N.M. [On some Northern Udmurt Morphological Features in the Besermyan Language]. Kazanskaya nauka. 2025;(2):281–284. (In Russ.) <https://www.elibrary.ru/kxdjye>
9. Maytinskaya K.E. [Historical and Comparative Morphology of the Finno-Ugric Languages]. Moscow; 2016. 264 p. (In Russ.)
10. Karpova L.L. Phonetic Markers of the Upper Cheptsa Dialect of the Udmurt Language. *Yearbook of Finno-Ugric Studies*. 2023;17(4):462–473. (In Russ., abstract in Eng.) <https://www.elibrary.ru/zsxeyq>

Information about the author:

Vladimir V. Elyshev, Postgraduate Student of the Udmurt Institute of History, Language and Literature, Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (4 Lomonosova St., Izhevsk 426034, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-3482-5944>, SPIN-code: 3970-9260, elyshev.vladimir2016@yandex.ru

The author has read and approved the final manuscript.

Submitted 01.08.2025; revised 06.10.2025; accepted 14.10.2025.